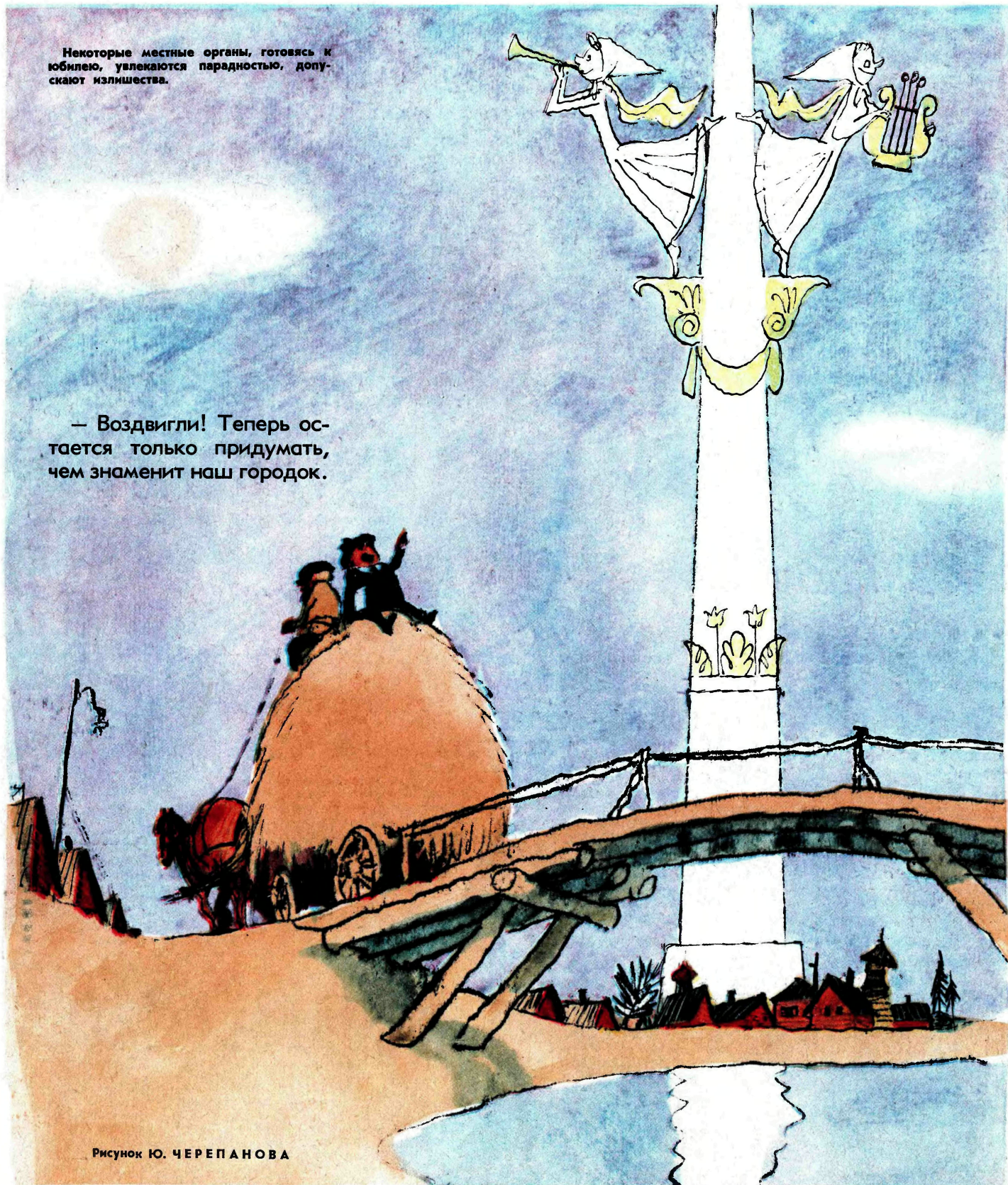

Некоторые местные органы, готовясь к юбилею, увлекаются парадностью, допускают излишества.

— Воздвигли! Теперь остается только придумать, чем знаменит наш городок.

Мы ехали по Таджикистану: шофер Миша Бендерский, редактор журнала «Хорпуштан» Расо Басиров и двое из «Кронидиа». Сначала за нами погнались три конника. Шофер Бендерский дал газ.

— Миша, — спросили мы, — почему мы бежим!
— За рулем мне нельзя пить, — сказал хмурый Миша. — Дорога горная, какое питье. А они гонятся заткнуть нас на свадьбу. Когда свадьба, тут всех проезжих задерживают.

Они догнали нас, пустились наперерез. Мы были на свадьбе. Свадьба в полтыщи гостей раскинула ковыри в поле. Так вышла первая задержка в пути. Таджики всякий большой праздник устраивают возле дороги: можно собрать больше гостей.

Мы ехали весной мимо голубых фисташковых рощ, и нас останавливали все новые и новые всадники:

— Джан, приятель, заворачивай — свадьба!

— Заворачивай, у нас Борцы, пахлавон!

— Козлодран, к нам на козлодран! Чемпион Тогир Донаев у нас!

И действительно, чемпион был тут, он рвал искаленной на фронте рукой поводья своего шестнадцатилетнего жеребца и, свесившись к самой земле, хватал с земли и бросал через седло тяжелую тушу барана. Сотни рук других наездников тянулись к нему — вырвать, но драгоценный жеребец разбрасывал кругом других коней, и чемпион мчался по степи, а тысячерукая и тысяченогая погоня — за ним. И так — до ямки, в которую надо бросить тушу, а потом получай призы.

Мы были на свадьбе, составники, смотрели один за другим козлодраны, гостевали во дворцах культуры и переполненных чайханях. И нас тянули во все стороны:

— Ходи к нам гостить!

— Чего? — оттирали приглашающего. — Чего к вам! Они нам обещали!

Мы ничего не обещали. Мы вообще первый раз видели этих людей. Мы пытались отказываться. И не выходило.

— Расо, — спрашивали мы потом редактора «Хорпуштана», — скажи нам. Допустим, у одного человека свободного времени много, а денег нет. И допу-

— Нету, — сказал котам Моллаевич Моллаев. — Ничего мне вам пометать, все в музей уезли. Ордена мои, то, се. В шапке вот остался. Шапку спас.

Почалуй, о нем бригадире колхоза «Москвич», можно говорить, что он — абсолютный чемпион мира по выращиванию хлопка. Во всяком случае, сельскохозяйственные академики слушают первыми здороваться с ним.

Побеги молодого хлопна немно-зеленые. Но если прикасаться к ним миллионы раз — рунки навечно становятся черными. Каландар Шарипов — бригадир молодежной бригады в колхозе «Москвич». Считается, что в этом колхозе — средний достаток.

— В прошлый год я заработал четыре тысячи. Натуральную оплату еще получил. Ничего заработал.

— А рядовые бригадники?

— У такого человека — больше денег. Восемь тысяч, девять.

— Чего хочется ребята?

— Машину надо. Правда есть, машины нету. Любые деньги не жалко. «Волги» нету. Почему нету?

Анты на древних башнях Бухары.

О ДЕНЬГИ СПРАВА

сти, он попадает в Среднюю Азию. Сколько он может прожить тут при вашем гостеприимстве, когда от одного хозяина гостя тещат к другому и закармливают везде до беспамятства!

— Неограниченно, — сказал Расо. — Людей много, богатые люди, гостя себе каждый хочет.

— Расо, — спросили мы, — но все-таки как же так! Мы едем несколько дней, мы проехали сотни километров и кое-что видели. Почему кругом так много свадеб и праздников!

— До сева три дня, люди гуляют. Через три дня сева, не будет ни молодых, ни старых. Хлопок всех равняет. А сейчас праздник. Надо отдыхать, работа будет тяжелой.

Человека, попавшего в Среднюю Азию из России, приводит в изумление, насколько глубоко может погрузиться в отдых таджик или узбек. Человек с Севера так отдыхать не умеет. А с другой стороны, его берет крайнее изумление, когда таджик или узбек начинает работу. Тогда все и вся они подчиняют работе. И ею все воздается.

А. КРЫЛОВ, А. МОРАЛЕВИЧ,
специальные корреспонденты Кронидиа.

Таджикистан, Узбекистан.

Торжество человека над слепыми силами природы. В Душанбинском зоопарке заклинять товарищ А. Стойков умрощает удава.

Можно вырыть котлован экскаватором. Можно вырыть котлован лопатой. Кропотливые сотрудники Института истории Академии наук Таджикистана вырыли громадный котлован кисточками для бритья: чтобы не повредить ненароком ископаемую ценность. И открыли на дне двенадцатиметрового бога Будду. Бог лежал на боку, отдышал. Затем его распилили. Сейчас бог лежит в больших щипцах на складе. За много веков бог просолился в земле крепче старого марийского шинера.

Как только из бога изгонят соль, он будет склеен и выставлен на обозрение.

И СЛЕВА

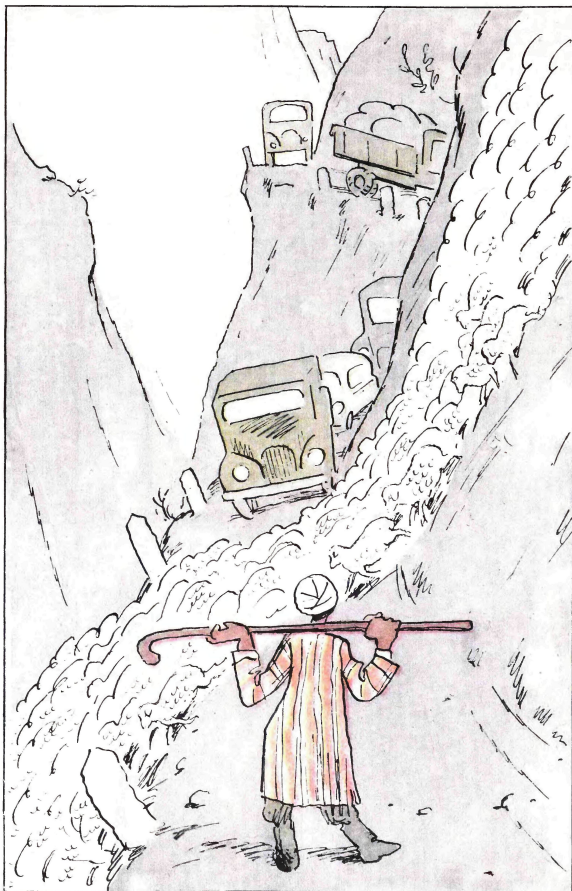
Они сказочники и ревнители традиции. По вечерам пастухи не пьют молоко, чтобы в нем не отразился свет звезд. Этого боятся их деды, и они не делают этого, ибо почитание дедов сильнее, чем неверие в бога. В их одеждах, лицах и позах — вежливость, ум и достоинство. Тленны машины, а стада бессмертны.

Он голубоглазый таджик. Нолхозник из нолхоза «Исханава». Абдурашид Кюефи торгует нолхозным вином на Соляном базаре города Курган-Тюбе. Еще он драматург, публицист и кинодокументалист.

— Делаю много в кино и телевидении, хочу сделать большое кино фильм. Когда люди говорят: «Мы торгуем вином торгуя, чего нас в литературу сушить» — у таких людей не слушаю. Буду стараться, хочу много в литературе сделать. Правильно думаю, мужчины, да?

Уж чего нет на Западе, того нет!

Курган-Тюбе — город роз.

Тула, конечно, начинается с самовара. Я имею в виду гостиницу «Тула», где сияет серебряным самодежравым пузом титанический самовар. Он самый большой в мире, и обжора Гаргантоа неминуемо лопнул бы, выпив полный самоварную вместимость.

Умеренные размеры чай-да-сахарного исполнения поневоле будят мысль о том, что на свете нет ничего невозможного: вдруг лошади кушают не овес, а, скажем, люля-кебаб с рисом! И Волга впадает не в Каспийское море, а в Тихий или даже в Ледовитый океан!..

Я размышлял об этом не всуе. Мне требовалось разгадать в Туле Растряеву улицу, описанную в Мемуарах Успенским, чтобы бросить на нее историко-сатирический взгляд. Как, мол, она изменилась?

Стояли, например, монстры-хижины—стали добротные, комфортабельные жилища. Были другие другие морды (не те чтобы с сердцев, а даже от большого ушняка). Г. Успенский—ныне ходит в обнимку, являясь членом общества «Знамен». Царяла всеобщая бедность, в мамовом плену у которой... томилась убогая сторона!.. теперь

МНЕ НАРАВАЛЯЕТ ЭТО!

МОЕ ОБОЗРЕНИЕ: ГОДЫ И ФАКТЫ

разумный достаток и социальное страхование. Все это было верно, как аксиома о лошадях и Волге, и лежал предо мною проторенный журналистский шлях, инкрустированный цитатами из «Нравов Растряевой улицы» и надежно оснащенный цифровыми данными горсовета. Но я вовремя опоминусь: как-то все это читать в тысячный раз массовому читателю?..

Я глянул в зеркальное самоварное брюхо, и лицо мое изкалосило. Это было, собственно, уже и не лицо, а, так сказать, «физиогномия», которая добавок огульнула. И стал я не Митиным Владимиром Васильевичем, как мне положено свидетельством о рождении, а растряевцем Прохором Баташевым. Образом синтетическим, собираемым, вставленным черты мещанина, дикаря и стяжателя.

* * *

А дело было так. Аккурат под Тронцу, не помню какого года, я набрался водки до полного недомогуния, свалился в подлетье, где меня засыпало лакамаи, и впал в консервированное состояние. Когда же на месте подлетки навали возродить зданию, меня нашли, дали понохать нашатырного спирта и хотели уже тащить в милицию, как вдруг рабочий нулевого цикла воскликнул:

— Стойте! Да он растряевец. Верно!..
— Уж это как есть,—блудливо поводя глазами, отвечал я.—Известно, растряевец. Меня еще господин Успенский отобразил в подполкоте, горсовет выделил кое-какую сумму для моей экипировки. Меня привезли в универсам и сдали с рук на руки Ольге Дмитриевне, главной приказчице отдела готового платья.

— Чулки есть?—спросил я.
— Нет,—сказала Ольга Дмитриевна.—Вот костюмы прекрасные есть, и совсем недорого.
— Не надо. А нанюхать порток нету?
— Увы. Зато имеются тергелевые плащи по последней парижской модели «Мерси».

— Мерси, мерси...—закапризничал я.— Мне бы

чего ни то посуконой, дабы не скукожиться. Да скорей, душа горит!..

Оделся я непривично. Отвезли меня в цирюльню, где тоже вышло неудовольствие: я желал «под горшок», а меня обжорнали голо, сказали «под полку». Пиюлюл я в зеркало и степенно удалялся. Только горло ниючить не умно.

— Братцы!—заволился я.—Отделите же меня куда-нибудь в родные места. К примеру—а Чулокно. А то меня тут всенепременно мотором задают.

Поскольку лошади не нашлось, повели меня по городу так. Идем. А публика посматривает себе мимо и на меня—нуль внимания. Не то, что в дни моей знаменитости, когда провел я по Туле самолично купленного верблюда, а засим в пьяном виде подарил его первому встречному... Не тот стал город. Ни одной тебе конуры. А было чаша сжимал я сам в собачьем домике и ляла на глазах прохожий!..

— Стой—хрило заорал я провозжатою.—Куды ты меня ведешь? Не нравится мне это... Сей же секунд веди на Подьяческую. Жива! — И чего надсаживаешься?—сказал провозжа-

тый.—Эва она, бывшая Подьяческая. Тут тебя и несли в осяк.

«Вреть»,—думаю. Однако зателся, смотрю. Кругом новые дома, на одном надписи: стелью «людица». Эх, горюю, совсем мое дело шах. О былых-то временах здесь черепа друг другу разбивали в кулачки. Бое, а ныне замарались, модничают. Посмотрел я на «Моднилу», где стояла когда-то моя избя, которая, как писал господин Успенский, «все-таки напоминала физиогномию обезьяны», и стало мне не по себе. Уж слышм я к прежнемому свинству привык. Не по нутру мне все эти новшества и баловства. Не нраю!..

— Пойдем,—говорю,—отседа. На мою фабрику.
— Была,—говорит провозжатый,—твоя, да сплыла.
— Куда же это,—интересуюсь,—бесхозная она, что ли?

— Очего жес-с. Очень даже при хозяйне. В чарности, вот при нем! слесарь-инструментальщик Борис Дмитриевич, золотые руки, наш советский «Леваш».

— Постой, постой,—вспоминаю я,—что-то мне твоя личность очень знакома. Ты не Воронов ли будешь? Владял я там.

— Ои, только вник,—смеется слесарь.—Теперь владею этим заводом наравне с коллегами. Вот они: Щелгов, Алфоров, Циплакова Анна Петровна, сборщица, токарь Кирик Вася и все прочие. И если есть ко мне вопросы, то поживей, а то у меня сегодня приемный день. Депутат я Верховного Совета.

— Ты я окончательно взбеленился:
— Как же ты можешь государственный вопрос решить, если ты простой мастерской?

— А вот для этого мы вам, Баташевым, и дали по шее в семнадцатом, чтобы самим управлять?.. И, как видишь, идет дело: не только правым государством, а электронные устройства делаем, мотороллеры, стиральные машы.

— А это,—кричу я,—чем это провинает? Не керосинчиком ли? Стало быть, и пиванеса работаете? По старинке-матушке?

Однако слышу, кругом смеются. Оказалось, что приванеса идут исключительно за границу—та-

мошным мужикам способней керосин мечь, дешеше. Но тут увидел я самовары, и на душе у меня полегало.

— И оляты ты выходишь без понятия!—хохочут мастеравые.—Самовары-то эти электрические!

И являя меня ненависть. Мастеровые сытые, гладкие, веселые. Детей в музыкальных училищах дергают, в отаке жиды прохладостности. Н-ну, думаю, мне бы рюти гордовых с «се-ледками», сыграл бы я им такую музыку... Но что-то внутри у меня лопнуло. Довер я нутром, что эту силу никакими лапласами не одолеет. И вспоминаю, как «сам предполагал заводовать исключительно капиталом», а около фабрики хотел устроить кабак, и кабак этот рисовался как-то разрозненно пастью, которая не переставая будет глотать черные фигуры мастеровых...»

Посмотрел я на эти фигуры. Эх, скацать бы, заглянуть, да зуб неймай, потому как свело мне челюсти судорогой. Стою и мычу: врача бы! А сам вспоминаю растряевского «доктора» Хрипушина, пользовавшегося все болезнью одним лекарством—сухим коровьим пометом...

А мне все хуже. Всполошились провозжате, отвезли меня к настоящему доктору по уху, горлу и носу, Якову Григорьевичу Ротенбергу, тому самому, что у одного пациента, обезумевшего от незадавленной любви, вынул всевыи брызгивных ножников аж из самого пищевода!..

Приехали, а доктору справляют пятидесятилетний юбилей работы. Речи, речи... Сам городской голова на трибуне: «Дорогой, уважаемый воспитатель...» И так далее, а на меня снова нуль внимания. То ли дело было, когда хоронил я собственную старинную ногу и на кладбище ее провозжал как полагається с певичими, с венками...»

Вправил мне доктор челюсть и совсем бесплатно, хотя я и думал расписаться из зубышки, в которой хранился кое-какой пустяк, так, золотые десятки. Ринулся я за ней, а ее и след простыл: когда новый цирк строили, кубышку нашли и в казну отдали.

Этого я уж совсем не вытерпел, иду, чуть ли не ревяя реву. Надо бы, думаю, развалиться, денюжки от экипировки еще остались. Не зайти ли в театр? Вижу: заезжая оперетка, и репертуар вполне подходящий, мой юности.

— Ну-ка,—говорю кассиру,—давай все билеты. Один будь смотреть представление, как в прежние времена.

— Да вы купите один билет,—советует кассир,—и смотрите вдоволь, зал-то все равно будет пустой.

— Нет,—говорю,—это не по мне. Хотелось бы, чтобы всей публике было в пику. Безобразные очень хочется, неудовольствия.

— А вы водочки выпейте,—сладким голосом говорит кассир.—Может, полегает!

Отличная мысль! Только выпить мне больше ста граммов не дали, хотя и налили на меня эту самую горьковатость, орлиность. Появился кураж, и захотел я смеять банкетный зал при фабрике-кухне, но мне быстро свхалили и стали волочить в район милиции. Это меня-то, Баташева... Но тут я вовремя вспомнил, что в действительно-сти являюсь Митиным Владимиром Васильевичем, сотрудническим «Крокодил», и закричал:

— Не рвите рукав, братцы, я же синтетический!
— Какой?—опешили милиционеры.—Перлюнов, что ли?

— Нет, собирательный,—отдуваясь, объяснил я, ставший на два часа бывшим фабрикантом, кривоусом.

— Ну, как,—спросили милиционеры,—было вам в этом качестве?

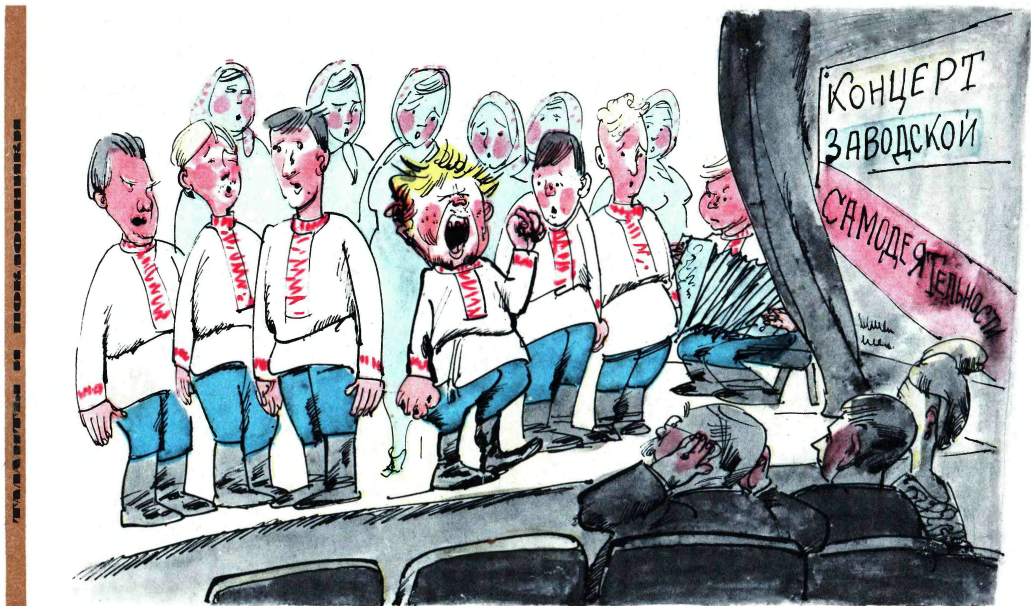
— Так себе,—признался я.—Дряннотное, невмоготу. Психология совсем разная...»

Вот и конец этой истории. Узелжал я из Тулы, так и не выполнив полностью редакционный заказ, но нудая не только Растряеву улицу, но даже следов ее. «И дьявол с ней,—подумал я,—с этой улицей! Дело ведь не столько в нищете материальной, царившей здесь когда-то. Дело в том, что вставалась психология раба, приниженности и угнетения, на смену которой пришла пятидесять лет назад психология свободы и собственного достоинства!..»

Плюс, конечно, стиральные машины и прочие безотавы.

И это так же не требует доказательства, как то, что лошади едят все-таки овес, а Волга впадает в Каспийское море. Как ей это и положено всеми учебниками географии.

1 Факты из биографии самоварного фабриканта Баташева.

— Наш мастер даже здесь норовит всех перекричать!

Рисуню Ю. УЗБАЙКОВА

Директор студии Рахат Лукумович пригласил ассистента режиссера Эдмонда в свой прохладный зашторенный кабинет и, включив вентилятор, сказал:

— Дорогой Эдмонд, студии нужны свои национальные кадры. Поэтому мы направляем тебя, дорогой, в Москву, на межреспубликанский семинар кинорежиссеров. Республику ты знаешь, работать можешь. Заканчивай скорей семинар, а мы дадим тебе постановку короткометражного фильма.

Окрыленный Эдмонд уехал в далекую Москву и полгода упорно учился смотреть на мир глазами Дзиги Вертова.

Возвратившись в родную столицу, Эдмонд сразу же направился в прохладный зашторенный кабинет.

— Дорогой Эдмонд! — радостно сказал директор и включил вентилятор. — Рад тебя видеть таким же жизнерадостным и красивым, с хорошими идеями, которые, мы надеемся, ты воплотишь в своей первой картине.

Директор шлепнул печатно по какой-то бумажке и торжественно сказал:

— К нам приехал товарищ Касов из Москвы. Не Антонио, конечно. Но человек надежный. Этот уж оставит! Не в первый раз. Так вот, я тебя, дорогой, к нему — помощником режиссера. Помрусь годик, проучусь себя.

Через годик, когда картина была отснята и оглохший от тостов тов. Касов улетел в Москву, Эдмонд снова зашел в прохладный кабинет.

— Молодец, дорогой, — приветствовал его директор, включая вентилятор, — между нами говоря, сделал фильм ты, а не этот варяг Касов.

— Ну что вы, — потупился Эдмонд.

— Не скромничай! — закричал директор. — Ты внес в сценарий национальный колорит, ты ввел в фильм чудесный древний танец и целый ряд наших обычаев, о которых Касов и не слыживал! И картина приобрела громкое республиканское звучание. Ты смотрел тематический план, Эдмонд? Ты взял себе сценарий?

— Да, — радостно прошептал Эдмонд, — и даже сделал кое-какие поправки.

— Очень хорошо. Завтра обсудим. Я много думаю о тебе, мой мальчик, и вот какой подарок тебе сделал. Студии нужны свои национальные

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ЭДМОНДА

кадры кинорежиссеров. Мы хотим, чтобы ты, дорогой, ставил полнометражные художественные фильмы. Поэтому мы направляем тебя в Государственный институт кинематографии. Республику ты знаешь, работать можешь. Получай скорей диплом, и мы дадим тебе постановку.

Окрыленный Эдмонд уехал в далекую Москву и пять лет упорно учился смотреть на мир глазами Эйзенштейна.

Пять лет промелькнули так же быстро, как пять диснеевских мультфильмов. Возвратившись в родную столицу, Эдмонд сразу же направился в прохладный зашторенный кабинет.

— Дорогой Эдмонд! — радостно сказал директор и включил вентилятор. — Рад тебя видеть таким же жизнерадостным и здоровым, с дипломом об окончании прекраснейшего из прекрасных институтов.

Он поставил печатно на какую-то бумажку и, подписав несколько бланков, продолжал:

— Теперь для тебя, Эдмонд, настала самая ответственная пора. Теперь ты режиссер нашей студии. Засучивать рукава тебе не надо — ты в теннисе. За дело, дорогой! Желаю успеха!

— Значит, можно пойти к главному редактору и выбрать сценарий?

— Конечно, можно, — сказал директор, — можно и выбрать. И даже нужно. Но ведь ты, дорогой, читал в своем институте сценарии великих авторов, зачем тебе наши?

— Так ведь... для того, чтобы ставить картину, — растерялся Эдмонд, — надо сначала познакомиться со сценарием. Так сказать, загореться. Как же мне!

— Э, зачем так сразу и ставить? — дружески улыбнулся директор. — Дело-то ведь серьезное, десятки тысяч стоят! Тебе хорошо экспериментировать, а мне как-то баланс подводить, а?

— Но я же учился... — прошептал Эдмонд. — У меня же диплом. Вы же сами говорили про кадры и про все такое...

Директор снова шлепнул печатно по какой-то бумажке и торжественно сказал:

— К нам приехал товарищ Рене Клер из Одессы. Конечно, дорогой, это не тот Рене Клер. И даже не Феллини. Но человек надежный. Поставит.

— Значит, опять какой-то Рене Клер, а не я. — поблелел Эдмонд.

— Вместе с тобой, дорогой, вместе с тобой! Будете сопоставщиками. Поработаете годик, проявите себя, а там поглядим.

Через годик, когда картина была отснята и оглохший от тостов Рене Клер улетел на свою Дербасовскую, Эдмонд снова пришел в прохладный кабинет.

— Молодец, дорогой! — приветствовал его Рахат Лукумович, включая вентилятор. — Между нами говоря, ты сделал фильм, а не этот варяг Рене Клер.

— Ну что вы... — потупился Эдмонд.

— Ты внес в сценарий национальный колорит, ты разработал остроумнейший диалог, ты ввел в фильм чудесные песни нашего народа, ты покзал красоту наших обычаев и национальных костюмов! И картина приобрела громкое республиканское звучание. Ты смотрел тематический план, дорогой, ты взял себе сценарий?

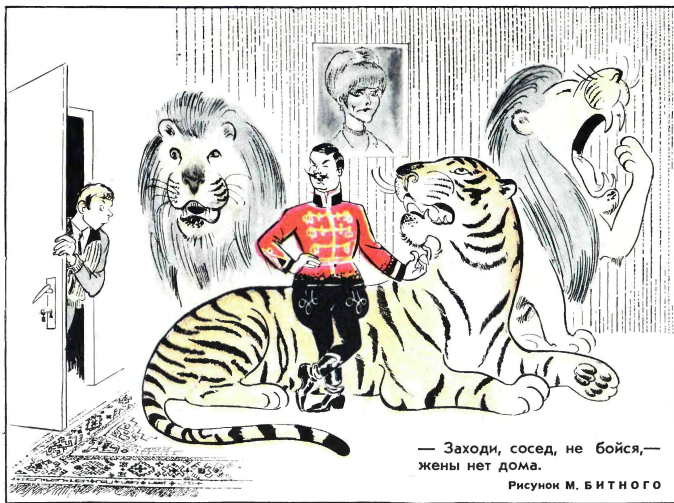
— Да! — радостно зашептал Эдмонд. — И даже сделал кое-какие поправки!

— Ну, этого ты мог и не делать, — с досадой сказал Рахат Лукумович. — Ведь у тебя совсем нет времени, дорогой. Начало в семь вечера, а самолет завтра улетит, в девять сорок.

— Какое начало? Какой самолет?! — вскричал Эдмонд.

— Сюрприз, дорогой, — расцвел Рахат Лукумович. — Студии нужны свои национальные кадры кинорежиссеров. А сегодня в семь — банкет по случаю твоего отъезда завтра утром на Высшие курсы кинорежиссеров. Учись на отлично, Эдмонд, и возвращайся скорей. Республику ты знаешь, работать можешь. Получай скорей диплом, и мы дадим тебе постановку!

А. ХОДАНОВ

— Заходи, сосед, не бойся, — жены нет дома.

Рисунок М. БИТНОГО

Игорь МИХАЙЛОВ

ПАРОДИЯ

«ЛЮБИ МЕНЯ...»

Люби меня бесстрашно,
крути меня бесстрастно,
домай меня бездумно, как
кусты сирени,
иди за мной безумно,
словно я сирена.
Люби тревожно, вечно,
противоречиво...
Буду злом, вещью,
судимойной, чтивом,
подушкой под локоть,
скямейкой в тени...
Захотел потрогать
руку протягни!

Р. Казакова

Люби меня красиво,
незрочно, незавидно,
люби меня стыдливо,
люби меня бесстыдно.

Люби меня удало
и хляпиво любю.
Вздумаешь ударить —
пожалуйста, лупи!

Буду стойкой водни,
папиросою, спичной,
уключиной в лодке,
в бочке затычковой.

Замки, как в клещи,
взмахни, как тлякой.
Хочу быть вещью,
хочу быть тряпкой.

Скину наряды,
нырну поугиному,
стану наядой,
стану ундиною,

тикою Летой,
бурею бурной,
мракорной Ларей,
глиняной урной.

Стану цветочком —
равни меня с смороди!
Стану платочком —
утрирайся, милый!

Чего ни попросишь —
себя не жалея,
исполню, шалея!

...Когда меня бросишь —
тогда поумню.

ЗНАКОМОМУ РЕЖИССЕРУ

М. ДАВЫДОВСКИЙ

Да, всем тебя создатель наградил:
Умом,
талантом,
ростом
и улыбкой...

Но кто-то у создателя спросил:
— А как же ты про великовость
забыл!

И бог смутился:
— Допустил ошибку!

ДРУГУ-ПОЭТУ

Безмерно упоен собой,
Ты как-то мне сказал при встрече:
«Нет, я не Байрон,
я другой...»
И я не стал противоречить.

ПОРТРЕТ

Корректный тон.
Солнчный вид.
Банкет.
Актив.
Он всюду нужен.
И он достаточно
Магистр,
Чтоб с каждым днем
Писать
Все хуже.

ИНТЕРВЬЮ С КИНОЗВЕЗДОЙ

— Расскажите, как вам делают прически, а то ведь после фестиваля клиентки замучают!

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА

А. КИКНАДЗЕ

ПАРИ

Он сказал:
— Хочешь, за десять минут напишу слова молодежной песни?
— За десять не напишешь, — ответил я. — Другое дело — за пятьдесят.
— Нет, за десять, — сказал он. — Хочешь пари?
— Готов.
— Ну, давай слова.

Я немного задумался и лишь только для того, чтобы сбить с него спесь, выдал ему полный набор самых что ни на есть затасканных слов, пусть помучается: даль — печаль, пой — строй, вперед — зовет — поход. После этого посмотрел на секундную стрелку.

Он тоже засек время. Неторопливо вытасил сигарету, неторопливо зажег ее, сладко затянулся. Это было возмутительно. А может быть, за внешним спокойствием скрывалось его глубокое волнение? Может быть, он понимал, что проиграл пари, и хотел скрыть это за маской безразличия?

— Та-а-а-а-а-а, — протянул он неприятным тоном. — Сейчас будет песня.

Через две минуты он положил передо мной текст:

«Синеет даль.
Ты песню пой,
Ворись и строй,
Откинь печаль,
Шагай вперед.
Тебя мечта зовет
В поход».

Рядом с двумя последними строками он изобразил фигурную скобку и написал: «2 раза». Над стихами было написано: «Мечта зовет». Молодежная песня. Слова Вениамина Шалфеева.

Я сказал:
— Был ты чудак-чудаком и остался. Ну кому нужна такая песня? Сам подумай!

— Брось свои эстетские рассуждения. Песня должна быть лаконичной, легко доступной широкой массам молодежи, а главное — бодрой. Все эти компоненты — наличие.

Я тихо и по возможности прилично выругался.

Тогда он сказал:
— Хочешь пари? Через месяц ее будут исполнять по радио.

Я еще раз подвинулся его самоуверенности и согласился на пари.

Через неделю он позвонил мне. Долго и нудно распространялся на тему о том, как важно в наше время ставить перед собой конкретные творческие цели, распространял, как жена и дети, интересовался моим материальным положением. Я долго не понимал, к чему он клонит. Но, перед тем как положить трубку, он сказал своим скрипучим голосом:

— Через две минуты начинается передача для молодежи. Если это тебя не затруднит, включи репродуктор.

По радио передавали песню «Мечта зовет».

Мелодия была приятной и запоминающейся, пел хороший артист, и мне стало стыдно, что я не поверил в талант своего друга.

Пришлось купить две бутылки.

— Уф! — сказал методист Саакян, вытирая платком потный лоб. — За такую работу нужно медаль просить. Из тридцати возможных принять на курсы тридцать семь — это же героическое деяние...

— Уф! — подтвердил заведующий Вардянян, вешая пиджак на спинку стула. — Зачем медаль? Орден проси. Вот увидишь, скоро наш Веди станет гордо-стои Красного Креста. А на месте этого домишки вырастет административный комплекс из стали и титана!...

— Из стали и титана, дорогой!

— Именно. Внизу — зал для конференций светил, сверху — мой кабинет для координации всемирных организаций!...

Только как же этого достигнуть? — застал методист. — Скажите, дорогой шеф, ну скажите!

— Очень просто, — поразмыслив, произнес заведующий. — Надо приковать внимание. Привлечь интерес... Значит, так. Сколько по плану надо принять на курсы медсестер?

— Тридцать, — отпарпоровал методист.

— Именно, — кивнул заведующий. — А мы приняли тридцать семь. Но ведь план можно перевыполнить?

— Можно, — согласился зуррированный методист. — Возьмем еще четырнадцать человек. План сверхперевыполнен. Вы получаете...

— Получить — это хорошо, — живо согласился методист. — Только куда девать всю честную компанию? Одна аудитория... Когда еще построят комплекс из стали и титана!...

— Из стали и титана, — поправил заведующий. — Пусть сидят потеснее. Это сплачивает. Это сближает.

НА ПТИЧЬИХ ПРАВАХ

— Сближает — это хорошо, — понятило сказал методист. — А почему четырнадцать? Почему не тринадцать? Тридцать семь плюс тринадцать — пятьдесят. Крутая цифра! План сверхперевыполнен.

— Надо четырнадцать, — дорогой. — Заведующий слегка замислился. — Четырнадцать надо... У Розы папа — большой человек. Очень желает, чтобы дочка была этой... как все... естественнотыпательницей. Вернуть так любит медицину, что с утра до вечера сама себе переливание крови устраивает... Сафик тоже надо принять. Ее троюродный брат имеет длинную руку в самом Ереване... Понимаешь, дорогой?

— Понимаю, — застичиво сказал методист. — А начальство не будет возражать? — Вначале будет, а потом примирится. Разве не знаешь нашу председательницу республиканского общества Сусанну Викторовну Саркисян! Пошумит, пошумит, помянут... Притом мы делаем все дипломатично. Зачислим их вольнослушателями.

— Как вольнослушателями?

— А так. Слушателями по моей воле.

...Этот диалог происходил два года назад в скромном кабинете главного врача Водинского района Армянской ССР, Сарикоба Мушеговича Вардяняна, ведавшего приемом слушателей на курсы медсестер.

В соответствии с разработанным планом на курсе было зачислено, кроме сверхплановых семи, еще четырнадцать человек. Четырнадцать вольнослушателей сдавали экзамены и посещали занятия, отнюдь не подозревая, что пользуются всего лишь птичьими правами.

Вардянян был неплохим психологом. Высокое начальство из республиканского общества Красного Креста, проводя о контингенте вольнослушателей, пошумело... поступало... пошумело...
Но вот почему мы вспомнили об этом эпизоде. На днях на курсах состоялось вручение свидетельств. К столу, за которым восседал заведующий, радостным шагом подошли слушательницы и, промозгав слова благодарности, уносили в руках желанную книжечку. И только четырнадцать человек стояли в стороне и, глотая слезы обиды, с завистью смотрели на своих счастливых коллег. Согласно плану, республиканское общество прислало то количество документов, которое соответствовало законному персональному списку слушателей, то есть 37. «Птичьих» вольнослушательский состав не получил ничего.

Чем же они виноваты? Ведь они не знали, что заведующий курсами два года водил всех за нос только из благорасположения к их родственникам. Они не предполагали, что циничные замыслы Вардяняна завершатся так прокрубово.

Ну, а что касается желания Сарикоба Мушеговича приковать к нему внимание и привлечь интерес — пожалуйста, идем навстречу.

Ясон ГЕРСАМИЯ,
специальный корреспондент Крокодила,
пос. Веди, Армянской ССР.

— Дорогая, в президиум меня не выбрали, так что я скоро буду дома.

Рисунок Ш. ШУХБАЕВА

ВЫЖИТЬ В ВОЙНЕ

ОН ИЛИ ОНА?

Известно, что год на год не приходится: в одном — больше рождается мальчиков, в другом — первенство за девочками.

Но в Бутурлиномском загсе Воронежской области решили не мириться с таким положением. Стали там, видимо, подбивать итоги за последние два лет и видят — мальчишки опередили девочек. Неторопливо!

Когда для получения пенсис матери Валентины Михайловны Шаповалова понадобился дубликат свидетельства о рождении сына, загс выдал его. И там ясно было сказано, что Шаповалов В. М. вовсе не и мальчик, как предполагала мать, а девочка — Шаповалова Валентина Михайловна. Сомнений не могло быть — официальная бумага была подписана заведующим и заверена печатью.

Статистину, стало быть, привели в порядок. Вот только неизвестно, как быть Шаповалову В. М. Ведь он 26 лет прожил, находясь в мужском сословии. Привык все-таки! В. С.

НАГЛЯДНАЯ АГИТАЦИЯ

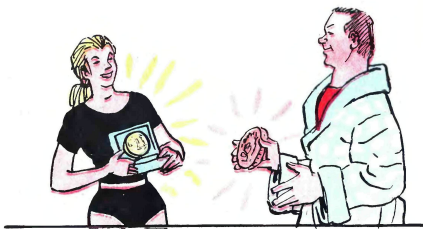
Всего за одну копейку каждый октябренок и пионер может приобрести к значимому миру взрослых. И вот, цена на тетрадной обертки, отпечатанной Массовым тиражом в г. Кучугуе типографией Пермского управления по печати. Разглядывая в перерывах между 2x2 = 4 и «Мама ест кашу» тетрадную обложку, мальшки познают нравы, на примере насекомых) любопытные подробности ресторанный гульби. Вот фрагмент этого воспитательно-просветительного панно неизвестного художника.

ИДУТ ЭКЗАМЕНЫ...

— Приняли, готов
в институт физкуль
— Вот те крест!

На деревне расставание поют: провожают гармониста в институт...

— Я поступаю с золотой медалью.

— А я — с бронзовой...

Готовится по литературе.

Конкурс на лучший короткий рассказ

НАК ТРУДНО БЫТЬ ЛЮБИМЫМ

Это действительно трудно. Лично мне хочется, чтобы меня любили Тося, Зося, Фрося и, конечно, Полина Ивановна.

Увы, они презирают меня. Нет, не крутые сутки, а так, время от времени.

Тося — когда я стригусь у нее и скромно отказываюсь от «Шипра».

Зося — когда я заказываю овощные блюда и не требую к обеду гарнирчика.

Фрося — когда получает от меня стихи. Она работает литсотрудником в тонком журнале.

Полина Ивановна — когда я раз в год прославляю лыжи над плитой коммунальной кухни.

Боже мой, сколько презрения... А так хочется любви!

И все же я любим. Меня любят. Любят 3 (три) женщины: Аня, Маня и, вероятно, Огурцова.

Аня — моя дочь. Я покупаю ей по воскресеньям мороженого в стаканчиках.

Маня — жена. Я мою кастрюли, когда она занимается иностранным языком.

Огурцова — студентка. Самая ленивая студентка курса. Я поставил ей тройку по химии.

Итак, три человека. Всего три Милой!

Да, чертовски трудно быть любимым!

ОШИБОЧКА

Утром меня и Шурика Рябова остановил главный инспектор по технике безопасности Кирьяев и безапелляционно заявил:

— Где это вы в такую рань напиться успели? Оба — пьяные. Не допускай к машине.

Несправедливость обвинения была очевидна: мы запротестовали.

— А у меня трубка есть, дыкнешь в нее, и сразу узнаю, пьяный ты или нет. А ну-ка дыхни,— протянул он мне трубку.

Я дыкнул. Кирьяев посмотрел на трубку и удивился:

— Точно, трезвый. А ну, ты дыхни! — приказал он Шурику.

Шурик дыкнул. Кирьяев глянул и сильно удивился.

— И этот трезвый,— пробормотал он. — Наверное, трубка неисправна!

Потом он взял и дыкнул в трубку сам. И удивился еще сильнее:

— Нет, трубка исправная. Значит, ошибочка вышла...

СОГЛАСНО УСЛОВИЯМ...

В конкурсном рассказе требуется отразить приметы сегодняшнего дня? Пожалуйста!

Когда я освоил горшочек, мама поцеловала меня и назвала умным мальчишкой.

Когда я съел манной каши больше нормы, бабушка с дедушкой долго плакали.

Когда я первый раз подал папе тапочки, он дал мне конфетку.

Когда я рассказал на елке стихот-

ворение, Дед Мороз выделил второй подарочный кулек.

Когда я в школе получал пятку, родители давали мне мелкие деньги.

Когда я добился успеха в спорте, меня наградили грамотой и ценным призом.

Когда я закончил на котлинском институте, родители подарили мне мотоцикл «Ява».

Когда на заводе я внедрил прогрессивную технологию, мне выдвинули немалое вознаграждение.

Так, поднимаясь по ступенькам, пришел к одной из примет сегодняшнего дня — прималитым.

Хорошая примета!

«ПРОГРЕ...

«ДВОЕ»

ПОВОДЫРЬ

Подожел троллейбус. Я постою на ступеньку.

— С-с-облюдайте очередность порядка при посадке! — громыхнул сапогом.

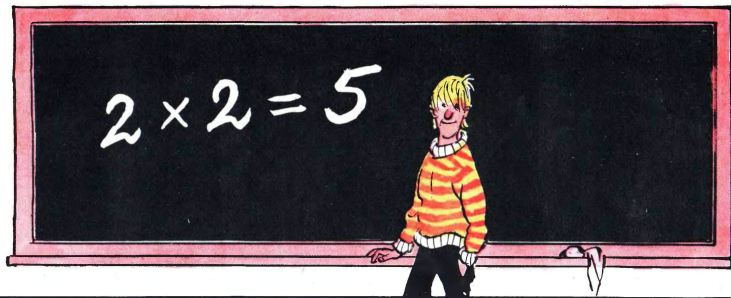
Оглянулся. Сзади никакой очереди не было.

Троллейбус поехал, я направился к кассе.

— Не допускайте неадекватных расчётов с городским транспортом! — раздалось над головой.

Я вздрогнул и допустил перепад. Бросил в щелчку пятак.

У водителя имеются абонементные книжечки...

Первая пятёрка.

— Ну, не приняли... Но зачем же это подчеркивать?

Доигрался...

Мне, командированному, они были не нужны. Но, тронутый вниманием и заботой, купил две. Сел, успокоился, развернул газету.

— Гр-ражданин с газетой в руках... Ус-ступите мес-ство молодой матери в зеленой кофте.

Я вскопич, покраснел. Зеленая кофта порозовела и села на соседнее свободное место.

Остановок водитель не объявлял. Некогда было. Я проехал свою, выпрыгнул из троллейбуса и побежал через улицу.

Заблывший баритон тут же наступил на:

— Гос-сти нашего города! Будьте осторожны. Ус-ступайте дорогу городскому транспорту!

«ПОДФАРНИК»

— Вот и весь наш секрет... Килограмм на бригаду, сто граммов на брата. Ежедневно.

— Допин?!—ужаснулся Егоркин.— Возбуждающее...

— Что вы,— рассмеялся Яшкин,— детские конфеты. Пробуйте!

— Так, так,— сказал прораб и обиделся.— Дурка, значит, вылетает. В «Угадайку» играете... Ну, погодите! Я вас выведу на чистую воду!

«Работают сверхурочно!»— была первая мысль. Увы, шкинцы приоддили и угодили точно вовремя.

«Условия лучше!»— решил прораб. Однако и условия у всех бригад были одинаковые.

Егоркин терялся в догадках.

«А может... Конечно же! У Яшкина появился новый метод работы... Новый метод!»

КУДА ДЕТЬ РЕБЕНКА?

Собираясь к кому-нибудь в гости, мы с женой решаем труднейшую проблему: куда деть ребенка? Ничего решения, конечно, не находим. Остаемся дома... Вот уже какой год совсем ни к кому не ходим.

Однажды решили было пойти на встречу Нового года. С ребенком согласился остаться двоюродная тетя жены. Чтоб ей было не скучно, достали магнитофон, купили шампанского, закусок... Чтоб не скучно было, тетя решила пригласить подружку. Выяснилось затем, что подружка придет с мужем. Докупили еще... А тут выяснилось, что к мужу приезжает друг с племянником. Подсчитали: будет много мужчин, не хватает женщин. Пригласили еще женщин, стали снова считать — не хватает мужчин... В общем, пришлось докупать основательно: погода затем расплачивалась с долгами.

Однажды решили встретить Новый год с детьми. Специально подобрали общество, чтоб все были с детьми. Собрались пораньше. Было очень весело. Во что только не играли: и в прятки, и в скакалочку, и в кошки-мышки... К девяти вечера все разошлись.

А то еще... Впрочем, снова к девяти разошлись.

А нынче опять праздники! Сидим вот третий день и решаем: куда деть ребенка!

Вдруг слышим, подходит он (сынко наш) к телефону, снимает трубку (дотягивается уже!), набирает номер...

— Валерка, привет!— доносится голос сына.— Хорошо бы нас собраться на праздники, да вот проблема: куда деть родителей..

«ЛАДУШКИ»

НОВЫЙ МЕТОД

Всю неделю прораб Егоркин измученно разводил руками. Еще бы! Всегда отставшая бригада каменищиков Яшкина была все местные рекорды выработки.

«Где собака зарыта?»— ломал голову прораб, глядя, как работают каменищики.

— В чем секрет?— спросил он Яшкина.

Бригадир лукаво подмигнул своим ребятам и достал из кармана горсть микска «Золотой клочок».

Прорабу послышался звон литавр и шелест премьальных. Надо было скорей сделать метод Яшкина достоянием всех, и он созвал собрание.

— Вот,— начал Егоркин,— дело-то какое... Прямо скажу — не красивое дело! Скрывает Яшкин от своих, значит, товарищей новый метод работы, а это...

Закончить он не успел. Раздался дружный взрыв хохота. Хотела вся бригада Яшкина. Прораб покраснел и стал поправлять галстук.

— Иван Иванович,— сказала, вытирая слезы, Яшкин.— Не обижайтесь на ребят... Нет у нас секрета, понимаете, ну нет! Просто мы всей бригадой курить бросили и теперь работаем без перекуров!

«СИБИРЯК»

Край отважных браконьеров

Стола белая нейлоновая. С усердием преданной лягушкой глухо урчал мотор персональной машины.

Управляющий трестом «Комисельстрой» Вячеслав Михайлович Савин опустил боковое стекло и осторожно вынул ствол малокалиберной винтовки.

Прямо у обочины сидел тетерев, птица вкусная, но неделкая. Полакомившись безразовыми серенжками, он предавался беспечному отдыху. Закон гарантировал тетереву безопасность: нельзя стрелять с подвезда, нельзя стрелять из малокалиберной винтовки...

Трудно сказать, знал ли тетерев закон. А Вячеслав Михайлович, человек образованный и начитанный, знал. Знал, но не читл.

Выстрел грянул. Потом другой, третий. Багачки, превращенные в сверхобъемный агдаш, быстро наполнялись.

Но ядрю перед Савиным вырос егерь. Застенчиво улыбаясь, он попросил предъявить документы.

Почему застенчиво? В этом как раз и суть.

Известно, что егерь—гроза браконьеров. Несколько иначе обстоит дело в Коми АССР. Там иные браконьеры стали грозой егерь.

Попробовали было работники лесной охраны задержать пулявшего по глухарям из малокалиберной винтовки министра местной промышленности Коми АССР В. Т. Кауна—и сразу получили нагоняй от заместителя министра охраны общественного порядка А. А. Морозова. Правда, вскоре за подобный промисел был задержан и сам Морозов, но за него горю стал заместитель председателя Совета Министров Коми АССР Л. Г. Афанасьев.

А когда какой-то слишком прямолинейный егерь составил протокол на самого тов. Афанасьева—тут уж никаких заступничеств не понадобилось. Тов. Афанасьев самолетно приструнил распоясавшуюся охрану, которая смиренно возвратила браконьеру как незаконно стрелявшие винтовки, так и незаконно отстрелянную дичь.

Но все же события эти не прошли бесследно. Не в том, конечно, смысле, что удалось пресечь охотничьи шалости ответственных товарищей. Пресечь был отчаянный, но ужасно строгий приказ: егерь, буде он допустит неуместное задержание, должен быть отстранен.

На в лесу, как в бане—пори стигли рядового браконьера от руководящего. А на стигли: егерь—быть ему обличену в неважность. В самоуправстве. В неподчинении. В общем, сколько ему будет.

Егерь, понятно, не желает самоуправничать. Он де-

ет слово разбираться в удостоверениях должностных лиц так же уверенно, как в заячьих следах.

Впрочем, иногда (как в данном случае) бывают ошибки.

Итак, деликатно улыбаясь, егерь застенчиво попросил:—Документик бы показали, а?

—Да зачем тебе?—даже удивился Вячеслав Михайлович.—Неужто не знаешь, кто я таков?

Покраснев от неловкости, егерь прошептал:

—Извините, в лесу живем. Знал бы, конечно, но осмелился.

—Эх, темнота!—презрительно проткнул задержанный.—Савин я, начальник треста!

—А документик?

—Не веришь, бюрократ? На, смотри!—Но пропавшая бездумным порохом рука не нащупала в привычном месте удостоверения.—Забыл. В другой раз покажу.

—Вы все-таки, извините, не министр,—обиделся егерь,—чтобы документы

забывать. Вам их с собой носить положено.

—А разве министры Вячеслав Михайлович.

—Которые браконьерят, так обязательно. И товарищ Каун и товарищ Морозов... Еще на ружейный выстрел не подойду, а они уже книжечкой махают. Иногда даже в развернутом виде. А вот с вами неладно выходит. Может, в другом кармашке гланете?

—Отстань!

—Еще, бывает, за подкладку попадет.—В голосе егерь звучала робкая надежда—такое с Суриными случалось, который из управления водного хозяйства.

А с вами, извините, придется поступить как с рядовым.

—Ну, погоди!—пригрозил Савин, расставаясь с винтовкой и добычей.—Скоро не так встретимся!

Встреча состоялась через неделю. Стояла была прозрачная северная ночь. Когда Вячеслав Михайлович отправил в небытие пятого по счету косача, за спиной раздалось знакомое егерское покашливание.

—Ну что, влетело?

—Было,—признался егерь.—Начальству моему сам заместитель председателя Совета Министров республики товарищ Жуков разное произволил. Мол, кадры без воображения воспитываешь. Еще повторится,—все, говорит, охотничье управление разгоним.

—Давно порал!—подхватил Савин.—А протокол на меня, куда его дел?

—Извините, сгоряча направили по инстанции.

—Да ты не нервничай!—успокоил егерь Савин.—Ничего мне не сделается.

Но то ли произошла канцелярская ошибка, то ли сам Савин проявил беспечность, только протокол был дан ход. Самонадеянного тетерева тика оштрафовали на 60 рублей.

Возмущенный Савин отправился в суд. С председателями этого суда республике Чесноков.

—Охрана в лесу обидела,—ласково спросил страж закона.

—Да распоясался вкоонец! Мало ли, что я из малокалиберки! Зато у меня охотилеть есть. Пусть они хватают тех, кто без билета!

—Попрошу не шуметь!—нахмурился член Верховного суда.—А штраф все-таки придется уплатить.

Нет, не егерский протокол был причиной этого штрафа. Просто Вячеслав Михайлович по неведению затронул большую струнку тов. Чеснокова, тоже обожавшего добычливую стрельбу, но экономившего на охотничьем билете.

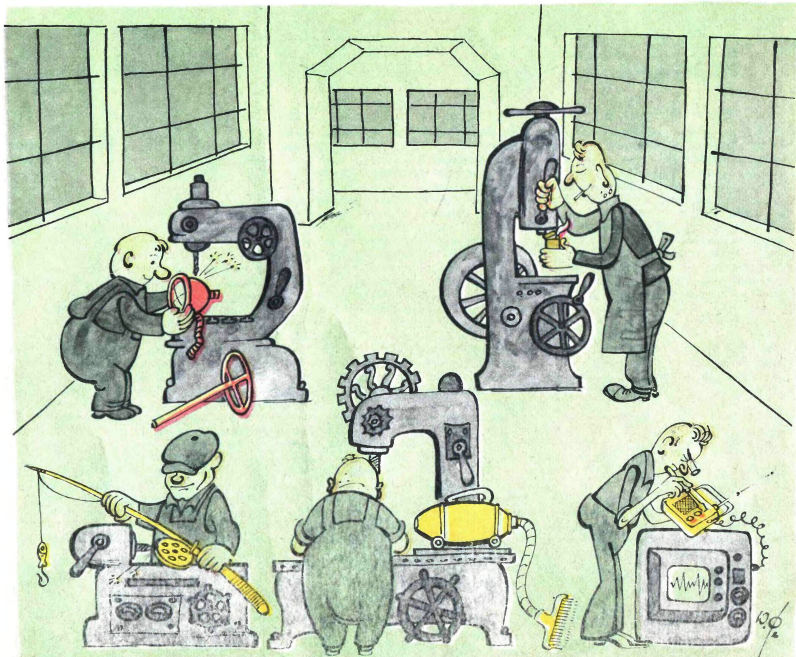
Конечно, савинский штраф—не более, чем досадное недоразумение, которое вряд ли повторится. На этот счет даны строгие указания, приказанные озвучить егерь.

Жаль только, что прекрасная Коми уже не край непуганых птиц. Скорее, это край отважных браконьеров.

Юр. ИВАНОВ,

специальный корреспондент Крокодила.

Коми АССР.

Цех мастеров СВОЕГО дела.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Когда собравшиеся боги возлегли на Олимпе наконец стало тихо, Зевс приподнялся на своем ложе, поправил складки хитона и сказал:

— О боги! В повестке нашего возлегания один вопрос. Однако он настолько срочный и важный, что я (тут Зевс перешел, как водится, на гекзаметр), уж простите меня, попрошу желающих слово сказать не тянуть и не мямлить, а кратко и точно выразить мысли и чувства свои. И сам обещаю громами виitivityа ваш слух не терзать и не мучить!.. Все вы слышали, о боги, что хунта военная лапы свои, обаягренные кровью невинных, уже протянула к искусству Эллады любимой. наших певцов и создателей, классиков милых гонят со сцены, клянут, и порочат, и рты запыкают им грязной затылочной цензурной! Можем ли мы на такое паскудство взирать равнодушно, нектар попивая, о боги!! Лицо у Зевса налилось кровью, грудь под хитоном заходила ходуном.

Геря, возлежавший рядом с божественным супругом, положил свою руку на его плечо.

— Зевс, дорогой, успокойся... Пот на челе твоем выступил... Слезы дрожат на ресницах... Хоть мы и бессмертны, а все же... надо сосуды беречь! Выпей нектарчику, милый!

Но Зевс отодвинул амфору с нектаром и обвел возлежавших вопрошающих взглядом.

Возлежавшие боги молчали. Наконец Афродита, поглядев на себя в ручное зеркало, улыбнулась своему отражению и сказала задумчиво:

— Вот интересно, почему так получается: первыми от всяких таких потрясений всегда страдают писатели!

Аполлон решительно поднял руку.

— Прошу слова!
— Говори, златокудрый! — сказал Зевс.

— О боги! — обратился к олимпийскому возлежанию Аполлон. — Я буду краток, как нас просит отец богов. Мы, боги, как существа высшие, да еще и мифические, возлежим выше человеческих страстей и всякой политической суеты. Но подобно надругательства над классическим наследством простить хунте даже мы не можем. Я предлагаю в знак протеста покинуть Олимп. Колесница моя в полном порядке, кони сытые бают копытами. Мы можем отправиться хоть сейчас, сию же минуту! Простите, что говорил не гекзаметром. Благодарю за внимание!

Возлежавшие боги благодарно задыгались, зашумели, заговорили между собой все разом.

Зевс постукал персями, сб амфору с нектаром — призвал богов к порядку.

Артемидо-охотница, шалунья и резвушка, опустила лук со стрелой, нацеленной в сердце Арея, бога войны, который слишком уж приставило изучал персями ее обнаженные колени, и подняла престелную руку.

— Можно задать вопрос? Зевс, кивнув головой, разрешил. Артемиде обратилась к Аполлону:

— Братец Аполлон, ты предлагаешь покинуть Олимп и отправиться... А куда отправиться? — Хотя бы в космос! — сказал Аполлон. — Пока. А там посмотрим.

— А как же будет с моей охотой? Что я там буду делать, в космосе, с луком и стрелами! — Придется пойти на некоторые временные лишения, сестричка. Но ты не огорчайся: хунта долго не удержится. Мы вернемся на Олимп, и ты вознаградишь

себя за все. Надеюсь, ты согласишься со мной, хотя бы в основном? — Конечно, согласна, — сказала Артемиде. — Мне тоже действуют на нервы эти разъяренные кабаны в генеральских мундирах. Надо их проучить! — И я согласна с Аполлоном! — подала с места голос Фемиды. — Хунта безжалостно и грубо попирает все законы. И где это происходит!! На родине демократии!

— Я поддерживаю Фемиду! — сказала суровая Дике, дочь Зевса, богиня правосудия.
— И я за эвхюнии! — пробасил Гестест. Он явился на олимпийское возлегание прямо из своей кухни — от его кожаного фартука пахло железным дымяком.

Посейдон, возлежавший рядом с Гестестом, в шутку слегка толкнул своего ароматного соседа презубцем в бок и, хихнув два раза, сказал:

— Я тоже поеду, только пусть Гестест оставит свой вонючий фартук на Олимпе. У меня от него аллергия, я бог морей, я привик к чистому воздуху.

Тут снова, опершись на локоть, приподнялся на своем ложе Зевс. — Вижу, что все вы согласны покинуть Олимп. Значит, решили. Ступай, Аполлон, и готовь колесницу свою, путь не протопь предостит нам... А ты что нахмурился, Арей?

Бог войны встал с ложа, оперся на длинный меч и, глядя на свои волосатые ноги, мрачно буркнул:

— Я лично нигде не поеду, мне эти ребята из военной хунты нравятся. Я останусь на Олимпе.

— Балбес ты, хоть ты и мой сын! — сказал Зевс, от возмущения забывший, что он обязан говорить гекзаметром. Впрочем, тут же спохватился и добавил, обратившись к расстроеной Гере: — Это плоды твоего воспитания, о Гера! Слишком ты нычишься с ним, вот и вырос сынок наш дубина дубиной...

— Пусть он остане! — вмешала Ника, богиня победы. — Я ведь еду с вами. А без меня он недорого стоить!

— Битому не списать! — съязвила Артемиде. — Арей, наверное, забыл уже, как он ввязался однажды в войну на стороне троянцев и получил по шее... А ведь оракулы предупреждали, что будет некогда день и погибнет священная Троя!... Меня нажин здоровый, а ума не нажин!

Арей сверкнул на нее глазами, заскрипел зубами, но ничего не ответил.

— По коням! —скомандовал весельчак Посейдон.

...Когда олимпийцы погулялись на колеснице Аполлона, Зевс, поддерживаемый Герой, поднялся к стоящему в отдалении своему непокорному сыну:

— В последний раз предлагаю, Арей, поехать со мной. Без гекзаметра говорю, от души!

Бог войны отрицательно покачал головой.

Божественная коза Амалтея, покочившаяся в колеснице у ног Афродиты, посмотрела на Арея мурлыкая сверкшими глазами и проблеяла непонятно.

— Животное, а все понимает! — задумчиво сказала Афродита. Она не стеснялась произносить вслух банальности, ей за ее красоту все прощалось.

Зевс встал из-за пояс хитона солцеподобного возницы и коротко бросил:

— Трояй!
Аполлон взмахнул вожжами, кони рванулись, и боги покинули Олимп.

— Согласись, что с нашим правительством мы конкурировать не в состоянии...

Рисунок Бориса ЛЕО

Генерал Эндрю О'Мира места себе находит. Да и как можно оставаться спокойным командующий сухопутными войсками США в Европе, когда его войска несут ежедневные потери.

В штаб-квартире на столе командующего нипа донесения из Западной Германии.

Четыре пыльных пика из 3-го батальона 19-го пехотного полка учинили драку и поножовщину с военной полицией. Избили и ранили нескольких человек. Итого: трое — в госпитале, четверо — в тюрьме.

— Группа американских связистов в городе Людвигсбурге повздорил в баре. Бац! Один убит. Бац! Другому выпустили кишки. А еще двое — за решеткой.

— В городе Геленхаузене рядовой Ли Данси пырнул ножом птерых солдат танковой дивизии. Еще пять раненых и один в тюрьме.

Надо немедленно принимать экстренные и действительные меры. Пора наконец урезонить расхорившихся парней.

Невооруженным глазом видно, что всему виной виски.

Пьют канальи! Пьют без меры и границ! Пьют после службы и на службе.

— В Аугсбурге американский солдат не придумал ничего лучшего, как угодить на 10 лет в тюрьму за отрябление прохонего. Подпавшиш, конечно, был.

Рядовой первого класса Вильям Е. Бленвелл (2-й батальон 17-го танкового полка) осужден за попытку изнасиловать менчину в купе поезда давшего следования.

Стоп! Довольно! Пора кончать... пить. А то ведь недалеко и до белой горячки, как это случилось с 15-летним Джоном В. Роджерсом из 3-й танковой дивизии. Молодой. Неопытный. Намедал виски с коньяком, влил еще чего-то, всего восемь пинтиков. Хлебнул. И отдал богу душу. А ведомог бы еще послушнить звездно-полосатому флагу.

И генерал О'Мира подписал циркулярное письмо всем командирам частей и руководителям офицерских и унтер-офицерских клубов.

В американской военной газете «Оверсиз уинли» оно изложено следующим образом:

«Отныне и впредь в увеселительных заведениях:

— не подавать спиртных напитков в смертельных дозах;

— не обслуживать парней моложе 18 лет и тех, кто уме сильно навеселе;

— запретить составлять смеси из 8 и более спиртных напитков (бедный Роджерс, царство ему небесное!);

— немедленно пресекать любые пари или соревнования «кто больше выпьет»;

— запретить двойные порции и ограничить продажу спиртного в одни руки;

— провонать до казармы напившихся парней, чтобы они по дороге не сломали себе шею».

Все ясно!

«Ерша» из восьми спиртных напитков пить больше не будут. Из семи напитков можно. Но сметь ничего не сказано.

И домой будут провожать. Под руки. Возможно там, где эскорт будет с подающими — подстелить там, где падать.

Ф. АЛЕНЧИНОВ

«КОВБОЙ» РВЕТСЯ В ГУБЕРНАТОРЫ

Престарелый бандит, потрошитель сейфов, гарцевал на лошадке по широкому экрану, даря зрителям отработанную годами пластмассовую улыбку. Таким запомнился зрителям голливудский актер Джон Уэйн в боевике «Бронированный фургоном».

Мы не собираемся рецензировать фильм и анализировать психологические нюансы в игре Уэйна. Нам интереснее роль, которую Уэйн играет за стенами киностудии.

Когда голливудский актер Рональд Риган лихо сиганул с ковбойского седла в губернаторское кресло штата Калифорния, Уэйн ощутил острый укол зависти. Воинственно выдвинув нижнюю челюсть, он прорычал, что в будущем году тоже намерен покататься в губернаторы. И в самом деле, чем он хуже Ригана?

По своим политическим взглядам Уэйн, как и Риган, может быть причислен к ультраправому крылу республиканцев, проше именуемых «бешеными».

Сейчас Уэйн проживает в своей роскошной вилле (цена 170 тысяч долларов) в Ньюпорт-Бич вместе со своей третьей по счету молодой супругой, манекенщицей из Перу. Чет-

веро детей от прежних двух браков не очень отягощают бюджет Уэйна. За 38 лет своей кинодельности он накопил, помимо всякой движимости и недвижности, миллионы долларов наличными.

Уэйн—один из самых реакционных актеров Голливуда. Еще во времена Маккарти он основал «Общество Защиты Американских Идеалов». Долгое время он возглавлял в Голливуде «Антикоммунистическую лигу», занимавшуюся травлей прогрессивных актеров и сценаристов, а теперь решил вернуться в антикоммунистическом коньке в политику.

Но будем справедливы: Уэйн не страдает раздвоением личности. На экране и за экраном он остается самим собой. Уэйн охотно берет за роли, прославляющие подвиги американских воая-захватчиков,— как раз за те дешевые пропагандистские роли, от которых безразлично отказываются честные актеры.

Недавно Джон Уэйн торжественно отраздновал свое шестидесятилетие, приурочив к этой дате премьеру «Бронированного фургона»—162-го фильма с его участием. На юбилейное торжество Уэйн явился в воен-

ной форме, с опознавательным жетоном (с надписью «Джон Уэйн»), приколотым у воротника мундира. В отличие от обычных солдатских жетонов уэйнровский был из чистого золота. Стоя с бокалом шампанского, он объявил о начале съемок своего 163-го фильма—«Зеленые беретты». Это будет «эпическое произведение», прославляющее специализированные подразделения американских карателей, выполняющих во Вьетнаме примерно функции гитлеровских эсэсовцев.

Уэйн изъявил желание, чтобы «Зеленые беретты» снимались в «натурных условиях»— во Вьетнаме. Вот какой он лихой, этот Уэйн!

Уэйн чувствует себя не только лихим наездником, но и отважным капитаном. Не зря на распродаже военных излишков он купил устаревший минный тралличик и превратил его в личную яхту. Стоя на мостике, Уэйн воображает себя отважным пиратом, готовым взять на абордаж красных».

Да, многообещающий претендент на губернаторский пост скачет из Голливуда!

С. ГОРСКИЙ

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Многие любители легкой музыки жалуются, что на концерт известного композитора или, допустим, популярной певицы трудно попасть.

Я этого как-то не ощущаю. Хотя и очень люблю музыку, но в последнее время, можно сказать, сыт ею горло.

Проблема эта решилась неожиданно и просто. Был я однажды по делам своей газетной службы в отделении ОРУДа. Поговорил с несколькими товарищами, а затем потребовалась мне к начальнику. Но его, как назло, не оказалось на месте.

А время к вечеру. И задание редакционное крайне срочное, начальник этот — ну буквально позарез нужен! Тогда секретарша мне посоветовала:

— Вы подождите, раз такая необходимость. У нас тут в отделении сегодня после работы небольшой концерт намечается, так что начальник непременно придет.

— Какой концерт? — сначала не понял я.

— Обычный. Вроде эстрадного. Сейчас в зале заседания на сцене ролью постанет. Композитор придет. С женой-певицей. Она будет петь его новые песни, а он ей аккомпанировать.

— Ясно, — вздохнул я, твердо решив ждать.

К началу концерта начальник не появился. «Мало того, что тороплюсь, — мрачно размышлял я, — придется еще наслаждаться выступлением дилетантов. Наверно, не очень-то увлекательно!»

Но в следующий момент, забыв о начальнике, я уже удивленно глядел на сцену, где галантно раскланивался известный талантливый композитор.

Когда же у рояля появилась певица, я ахнул: на ее концерты в Театр эстрады не сыскать мне билет даже знакомый всемогущий директор гостиницы!

Я подумал, что она сплет сейчас одну-две песенки и уйдет. Но певица спела две, три, пять... Мне рассказывали, что обычно после каждой песни она гордо удаляется за кулисы, и ее долго выманивают оттуда настойчивыми аллодиривентами. А тут происходило нечто невероятное! Певица стояла у рояля как вкопанная. Она пела чуть ли не до изнеможения, да и композитор трудился в поте лица!

А в зале сдержанно, с достоинством аллодировали. После концерта, очарованный мелодиями, голосом, исполнением, я спросил у появившегося наконец начальника:

— Как это вам удалось затаскать к себе таких знаменитостей?

— Это было не так уж сложно, — усмехнулся начальник. — Сами, знаете ли, пришли... Нам повнявилось? Рад. Заглядывайте. В субботу они у нас выступят еще раз.

И я зачастил в гости к орудовцам.

Сначала композитор с женой выступали только вдвоем, а потом привлекли и коллег — эстрадников: тещедекламатора, танцора, иллюзиониста... В общем, такой концерт затянули, что и Колонный зал позавидовать мог бы!

— Ах, это ваши шефы! — догадавшись, сказал я орудовцам.

Те молча покажи плечами.

По моей просьбе они представили меня композитору и его жене. После выступления композитор любезно согласился подбросить меня домой на своей машине.

Вид у него был злой, расстроенный, но я все же заинтересовался:

— Видимо, вы и ваша супруга очень любите наших славаших орудовцев?

— О, да, — с готовностью ответил композитор, — мы их обожаем!

— Особенно работников этого отделения, — добавила его жена. — Буквально дня без них жить не можем.

Как это здорово! — воскликнул я, вынул блокнот, карандаш и, пригвопившись записывать, попросил: — Расскажите, пожалуйста, подробнее, как родилась ваша дружба.

— К черту подробности! — крикнул вдруг композитор. — Спрячьте блокнот. Неужели вы не знаете, что это строгий, упрямый народ никакая силой убеждения, никакими слезными просьбами не проймешь? Неужели вам не понятно, что мы старались прогнать их силой искусства? Думали, может, смеяться, простят нам нарушение правил.

— А вот вам и окончательный результат, — сказала певица и протянула мне талон водителя.

На нем был третий прокол, после которого обычно лишают водительских прав.

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

В служебной комнате сидели двое, назовем их — Поддерживающий и Возражающий. Разговор шел о том, кого назначить заведующим клубом.

— Я предложил бы Хайдава, — сказал Поддерживающий. — Одаренный человек! Вы только послушайте, как он поет, читает стихи, играет на музыкальных инструментах... Талант, большой талант!

Возражающий отцепил кيسет, вешавший у него на поясе, и положил перед собой на стол. Это сулило долгий разговор.

— Видишь ли, — сказал он с сомнением, — то, что Хайдав играет на инструментах, это, конечно, хорошо. Заведующий клубом должен разбираться в музыке... Но он еще читает стихи, а это меня уже беспокоит.

— Почему? — изумился Поддерживающий. — Заведующий клубом должен разбираться и в поэзии.

— Пусть так, — сказал Возражающий. — Но не свидетельствует ли все это, что Хайдав — человек несобранный, расплывчатый? Сегодня стихи, завтра музыка, послезавтра танцы... Нет, заведующий клубом должен быть сосредоточен и целеустремлен.

Поддерживающий помолчал, собираясь с мыслями. Затем он сказал: — Но ведь нам известно, что где бы Хайдав ни работал, он работал всегда хорошо. Он был одним из лучших мастеров на масломолоком заводе, бухгалтером торгового-заготовительного отдела, секретарем ревкомской ячейки.

Возражающий расквил кисет, лежащий на столике, и приготовился закурить. Это сулило долгий разговор.

— Видишь ли, — сказал он с сомнением, — то, что у Хайдава такой большой трудовой стаж, это, конечно, хорошо. Но за-

Мнения-сомнения

ведующий клубом должен быть человеком постоянным... А Хайдав то и дело меняет места работы. Это меня и беспокоит.

— Почему? — изумился Поддерживающий. — Ведь за долгие годы приходится не раз сменить профессию. А Хайдав уже пятнадцать лет как работает.

Возражающий снова расквил кисет. Это сулило долгий разговор.

— Заведующий клубом должен быть человеком морально устойчивым, — сказал он, покачав головой. — Вот ты говоришь, — пятнадцать лет. А именно пятнадцать лет назад Хайдав, будучи на семейном торжестве по случаю первой стрижки детей, пожимал жене председателя аймачного Совета руку и что-то шептал ей на ухо. Вот и письмо сохранилось от одного человека.

Возражающий неторопливо расквил пилуку с личным делом Хайдава и прочел:

«Обращаю Ваше внимание на легкомысленное поведение товарища Хайдава, забывшего об уважении к женщине и семье...»

— Но ведь он давно женился! — сказал Поддерживающий. — У него шестеро детей.

— Шестеро? — подхватил Возражающий. — Вот это меня и беспокоит. Сможет ли человек, у которого столько детей, наладить нам клубную работу? Да у него и времени на нее не останется. Нет, нет, Хайдав нам никак не подходит. Подумай о другой кандидатуре.

Возражающий закрыл кисет, прищипил его к поясу и подлялся. Это означало, что разговор окончен.

Перевод с монгольского И. ЕРЬМОВСКОГО

— Как быстро взрослеют дети! Мой сын уже не бредет-ся...

— Да, и моя дочка уже бегает в короткой юбке.

Рисунок Г. ВАЛЬБА

Едущего с большой скоростью автомобилиста догоняет милиционер. Проинтервьюишь говорит, оправдываясь:

- Я не слышал вашего свистка.
- Ничего удивительного: вы ехали со скоростью звука.

Маленький мальчик из Техаса просит отца купить ему пистолет. Отец сурово говорит сыну:

- Пока я глава семьи, пистолета у тебя не будет.
- Как только у меня будет пистолет, ты не будешь главой семьи.

В витрине прачечной висит огромный плакат: «Стрираем за 24 часа!».

Приемщица, приняв у клиента белье, говорит:

- Будет готово в субботу.
- Почему в субботу? Ведь сегодня среда, а у вас написано...
- Все правильно. Мы стрираем за 24 часа, но работаем по восемь часов. В субботу утром можете получить.

Двое мужчин беседуют о приятель-молодожене.

- Не понимаю, почему он женился. Ведь прежде дал клятву, что не женится.
- Правильно, но его жена дала клятву, что выйдет замуж!

Мужчина пришел в больницу навестить своего друга, попавшего в автомобильную аварию. У входа в палату он встречается с медсестрой и, наклонившись к ней, тихо спрашивает:

- Есть у него какие-нибудь шансы?
- Никаких. Он не в моем впусе.

На первом железнодорожного вокзала стоит семейная пара. Муж, глядя на отходящий поезд, говорит:

- Если бы ты так любила, не поехала, мы бы не опоздали на поезд!
- Если бы ты меня не торопил, нам не нужно было бы так долго ждать следующего.

Мужчина говорит знакомому:

- Люблю разговаривать с женщинами. Когда я говорю с мужичком, то чувствую, что у него в одно ухо входит, а в другое выходит. А когда я говорю с женщиной, то знаю, что мой слова входят в уши, а вылетают через уста.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

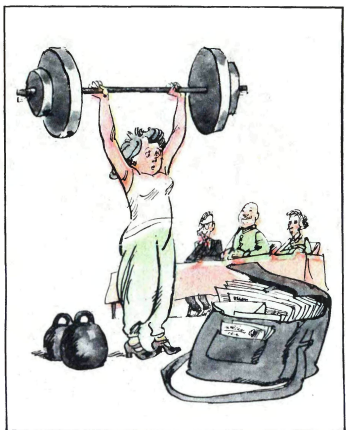
Не о дамских сумочках

Я себе представляю это так. В Москве, в большом и чистом помещении — скорее всего, во Дворце спорта — собрался синиэт, состоящий из кружных связистов-специалистов: научных экспертов по доставке газет и журналов, главных начальников экспедиций, генеральных почтовых директоров. Заняли места без толкухи, любезно выbralи председателя и секретаря. И регламент согласовали.

Динамики понесли в массы слово председателя:

- Повестка дня — обсуждение наркотики, помещенной в двенадцатом номере «Крокодила».

На нежно-голубом экране, трепеща, возникли контуры рисунка:

Намудрецы выступить вскинули руки.

- Тимея сумки, да! — констатировал Старший Эксперт. — Предлагаю в почталыоны брать только дюжих мужичин. Издревле так на Руси велось. И пелось не зря: «Когда я на почте слухил ямщином, был молод, имел я силенью...»
- Не туда гнет, — возразил Главный Специалист. — Тяжелый труд надо превратить в лунный праздник. Давайте придумаем, что-нибудь такое субто техническое, этаное механизированное. Велосипеды, например.
- Тоне мне, новости! — обиделся Старший Эксперт. — Это еще тридцать лет назад практиковалось. В кино, «Волгу-Волгу» смотрели!
- Старой! — сочувствующие ухнул зал.
- Мотоцикли! — крикнул кто-то.
- Трещат, житейскй переубудат! — отпарировал Главный Специалист.

- Мопеды!
- А зимой, лед если? Травм не оберешься!
- Аэросани!
- Мототроллер с колесной!
- Вертолет!
- Моторельсовые дороги!
- Роботы!

Председатель постучал ногтем в микрофон.

- К порядку, товарищи. Мы пригласили рядового почталыона, тетю Дашу. Специально спросить, что ей нравится больше.
- Него уж, — сказала смущенно тетя Даша. — Чего уж вертолеты! Вы бы мне вот такую тележечку приспособили, как в ГДР почталыоны возят. Я бы спасибо сказала. А когда вертолетами обеспечите, можно будет и обменяться.

— Ну, тетя Даша, — разочарованно сказал Старший Эксперт. — Удружил! В нашу ракетную эпоху никак-то, извинюсь, такна!

— А вы простите, если я чего неумыслила, — застенливо тетя Даша. — Не привыкла я по трибунам-то лазить. Простите, если монете.

Она ушла — ей предстояло еще много работы: расфальцевать и перетасать сорос инлограммы своей почты.

— Так вот, — убедительно сказал Главный Специалист, — давайте придумаем что-нибудь такое, сугубо...

Я себе представил это так. А на деле было гораздо проще. Не обдумал синиэт рисунок, и ласковый ветер не донесил в редакцию откликов с улицы Горького, из Министерства связи. Ведь конкретные лица в рисунке не затрагивались. А на всякий чих не издревствуйтесь, это известно.

Зато отличаются читатели. Им жалко безответную тетю Дашу. И товарищ Бетте из Саратов, приславший нам фото, помещенное в газете «Берлинер цайтунг», пишет: «Вы затронули большое место, так, будьте добры, продолжайте лечение».

Вот мы и продолжаем.

С. СПАСКИЙ

Как посмотреть

Потом в письме рассказывается об этих проверившихся фактах. Те же факты, что и в фельетоне. Почти все совпадает.

Кроме выводов. Пересказав почти весь фельетон своими словами, тов. Мосалец делает такой вывод: «... утверждения о том, что органами социального обеспечения была допущена волонтизм при оформлении пенсий тов. Кравченко, являются необоснованными».

Разошлись мы во мнениях. Один и те же факты мы считаем волонтизм, а тов. Мосалец — нет.

Ну, ладно, хорошо хотя бы то, что Кравченко стал наконец полноценным пенсионером.

«Учитель входит в класс...»

Преподаватель математики В. И. Серенко был уволен из техникума за взятки. После этого, работая на заводе, он был уличен в хищении фаянса. Вновь оставшись без работы, Серенко решил вернуться к педагогической деятельности. Заведующая Дятьковскийского горно М. С. Шарденкова охотно пошла ему навстречу: определила в любящую школу.

Столь же добросердечно трудоустроила М. С. Шарденкова и проторовавший И. П. Горюхов, направив ее воспитательницей в школуинтернат.

Об этих и других подобных фактах шла речь в фельетоне «Учитель входит в класс...» (см. № 11).

Секретарь Брянского обкома партии тов. М. Махмалев сообщил редакции, что «фельетон обдуман на бюро Дятьковского горкома КПСС, Бюро горкома КПСС признало, что в подборе и расстановке педагогических кадров в Дятьковском районе имеют место серьезные недостатки, и наметило меры по улучшению работы с учителями».

А как же осандалившиеся педагоги: с которых рассказывалось в фельетоне? Так и подзадывает на учительском — порицать? Читатели спрашивают об этом в своих письмах к редакции. Что ответить им, товарищи из Брянского обкома?

**журнал
выходит
три раза
в месяц**

Темы рисунков этого номера разработали:
Г. Андрианов, М. Витный, М. Вайсборд, Г. Вильн, Г. и В. Караваевы, В. Тамаев, В. Тильман, А. Чичариков, Е. Шабельник.

наш адрес:
МОСКВА А-15
Бумажный проезд
д.14

ТЕЛЕФОН Д 0-10-86

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[ответственный секретарь]
Б. А. БГОРОВ
[зам. главного редактора]
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРЛОВ
А. СУКОЦЕВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00177
Подписано к печати
29/III-67 г.
Формат бумаги 70x108/16
Объем 2,80 усл. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 1186.
Заказ № 2205.

Ордена Ленина типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина,
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.
Отсканировал А.В.ЛЕБЕДЕВ

Владимир Иванович КОЗЛИНСКИЙ

Советская сатира понесла большую утрату. Умер художник Владимир Иванович Козлинский.

Читатели «Крокодила» старшего поколения помнят остро характерные, пластично выразительные caricatures В. И. Козлинского, печатавшиеся почти в каждом номере журнала. Двадцатые годы — время его активной работы в сатирических изданиях. «Прожектор», «Бич», «Бузотер», «Чудак», «Смехач» — ни один из этих сатирических журналов не обходился без талантливых рисунков В. И. Козлинского с их необычным поворотом темы, неожиданной ситуацией, остроумной подписью.

Можно составить особую галерею типов Козлинского. Художник привнес в свою журнальную деятельность огромный опыт работы над агитплакатами первых лет революции и «Окнами РОСТА», которые он выпускал вместе со своим другом В. В. Маяковским, размах театрального декоратора и филигранное мастерство книжного гравера.

Владимир Иванович Козлинский был художником широкого диапа-

зона. Окончив Академию художеств, он становится оформителем театральных спектаклей. Невозможно даже упомянуть все работы, сделанные В. И. Козлинским на сцене до Октября и особенно в советское время. Они разнообразны и многочисленны: «Живой труп» Л. Толстого и «Макбет» В. Шекспира, «Пигмалион» Б. Шоу

и «Квадратура круга» В. Катаева — во всех этих и многих других работах видна широкая эрудиция знатока духа и стиля эпохи.

Любители книжной графики знают В. И. Козлинского как искусного иллюстратора. В 30-х годах им сделаны гравюры к трилогии А. Толстого «Кожде по мукам», к книгам А. Грина «Дорога никуда», Н. Салтыкова-Щедрина «Сверсенная идиллия», В. Шекспира «Гамлет» и другим произведениям.

Сотни художников, и среди них немало сатириков, глубоко благодарны за полученные знания профессору Института прикладных и декоративных искусств, а затем заведующему кафедрой рисунка Московского высшего художественно-промышленного училища (бывшее Строгановское) В. И. Козлинскому, без творчества которого нельзя представить себе историю советского изобразительного искусства, историю советской сатиры.

Дорогой образ этого замечательного художника и обязательного человека навсегда сохранится в наших сердцах.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Кругликова бегала по коридорам и в присутствии окружающих вела себя вызывающе. Общественность разбегалась и возмущалась ее поведением».

(Из акта.)
Выписал **Е. ЧИКИН**.

г. Минск.

«Когда я пришла на свиноферму, мой муж сидел вокруг столба».

(Из письма в редакцию газеты.)
Копию снял **А. ПОПОВ**.

г. Москва.

«Товарищеских чувств дружбы в стенах техникума не проявлял, осуществлял их по месту своего жительства».

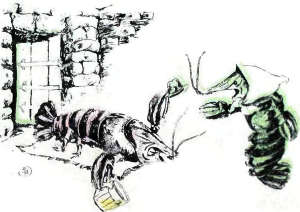
(Из характеристики.)
Прислала **Л. ЩЕНКОВА**.

г. Иваново.

«При возникновении пожара прекращается ночной сон и другие виды мероприятий».

(Из инструкции по борьбе с пожаром в доме отдыха.)
Переписал **В. ДМИТRENKO**.

г. Ленинград.

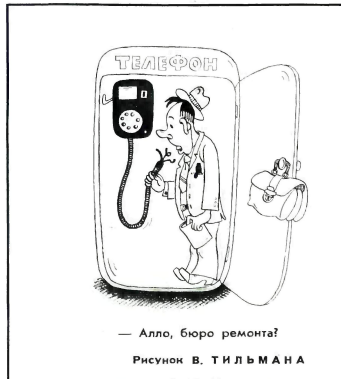
— Алкоголик несчастный!

Рисунок **Е. ШАБЕЛЬНИКА**

— Господи, что же теперь делать?

Рисунок **Г. АНДРИАНОВА**

— Алло, бюро ремонта?

Рисунок **В. ТИЛЬМАНА**

БАРАБАНЫ ВОЙНЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Рисунок Г. ИОРША